

Жук В. А.,

*старший преподаватель кафедры грамматики
факультета романо-германской филологии**Одесского национального университета имени И. И. Мечникова*

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ДЕРИВАЦИЙ

Аннотация. В статье сделана попытка инвентаризации типов семантических изменений, т. е. создания каталога семантических дериваций, который представляет и систематизирует уже установленные факты семантической деривации.

Ключевые слова: деривация, семантика, типология, полисемия, каталог.

Постановка проблемы. Цель данной статьи состоит в попытке инвентаризации типов семантических изменений, т. е. создание каталога семантических дериваций, который представляет и систематизирует уже установленные факты семантической деривации. Ни причины, ни сами механизмы семантической деривации не исследуются: каталог создает лишь информационную базу для решения этих задач, а также некоторых других – он может послужить задаче нахождения семантического критерия реконструкции. Этот каталог может быть использован для решения задач типологического характера, в конечном счете – для построения некоей семантической типологии на основе выявления наиболее устойчивых семантических соотношений, существующих одновременно в нескольких языках и/или многократно воспроизводимых на протяжении истории одного языка. Основой исследования является материал русского и ряда европейских языков.

Изложение основного материала исследования. Идея подобной инвентаризации семантических дериваций не является полностью новой. В 1964 г. О. Трубачев, опираясь, в значительной степени, на идеи, изложенные в известной статье Э. Бенвениста [2], выдвинул идею создания «Словаря семантических переходов». Этот словарь был задуман как чисто диахронический и должен был служить целям этимологии – обеспечивать семантический критерий реконструкции. Этот замысел, однако, не был осуществлен.

Единицей каталога является семантическая деривация, понимаемая как двусторонняя сущность, т. е. единица, имеющая план содержания и план выражения: первый представляет собой пару смыслов, связанных отношением семантической производности («а» ↔ «б»), второй – множество реализаций данного семантического перехода, т. е. список слов, в которых он представлен – синхронно или диахронически. Например: «стоять» ↔ «стойть» др.-русск. стояти НСВ / стати СВ «стоять», «стойть»; русск. стоять (восходит к стоять [5]); русск. стать (во что бы то ни стало; это тебе дорого станет); лат. constare «стойть» от stare «стоять» (значение «стойть» есть и у бесприставочного stare); греч. καθίστημι «ставить», «стойть» [5, с. 91]. «Плохой» ↔ «злой»; русск. зло («зло» = «плохое»); злой («злой»); нем. das Böse («зло» = «плохое»); böse («злой»); итал. cattivo («плохой»; «злой»); франц. mauvais («плохой»; «злой») [3, с. 49]; исп. malo («плохой»; «злой») [3, с. 49].

Семантическая деривация обозначается при помощи семантической записи двух значений и стрелки между ними (кроме того, в левой части возможен еще некоторый оператор над значением – обычно приставка). В качестве метаязыка используется семантический язык, максимально приближенный к естественному, т. е. для записи значения по возможности выбирается такое слово русского языка, у которого нужное значение является единственным или основным. В случае, когда направление семантического развития не устанавливается однозначно, используется двусторонняя стрелка, указывающая просто на тот факт, что «а» и «б» являются значениями одного слова (при этом слева стоит то значение, которое с большей вероятностью является исходным). Например, «быстро передвигаться» ↔ «течь»; др.-русск. течи «быстро передвигаться», «течь»; русск. течь «течь», «плавно передвигаться»; ср. стечение народа (обстоятельств), наутек; течение времени, скоротечный, быстротекущий, текущий момент. Если направление семантической деривации устанавливается однозначно, то используется односторонняя стрелка.

Что считается реализацией данной семантической деривации? Здесь возникает проблема тождества слова, поскольку имеются в виду только значения одного и того же слова. Когда речь идет про слово одного языка определенного синхронного среза (случай 1), здесь никаких особенных трудностей не возникает. Несколько сложнее обстоит дело в случае диахронического тождества внутри одного языка (случай 2), хотя здесь тоже могут возникать лишь какие-то частные проблемы: в целом, если слово сохранилось, то такое отождествление не представляет особенных трудностей. Более существенные трудности возникают при наличии данных двух значений у одного слова в двух близкородственных языках (случай 3). Итак, случай (1): «полисемия», т. е. наличие данного семантического соотношения между двумя значениями некоторого слова некоторого языка, например, семантическая деривация «женщина» ↔ «жена», представленная во франц. слове femme, в нем. Frau и др. Случай (2): «диахронический сдвиг», т. е. изменение значения, переход «а» → «б»; например, та же семантическая деривация представленная в русском слове жена. На самом деле, точнее было бы говорить не о семантическом переходе «а» → «б», а об утрате значения «а», как, например, в русском слове жена (утратившем в современном русском языке значение «женщина»). Однако, как известно, полностью старое значение никогда не исчезает: оно остается как минимум в словообразовании (ср. женский, женолюб, женоненавистник, женоподобный – все эти слова соотносятся со значением «женщина», а не «жена») – но отчасти даже и в словоизменении (ср. форму лет – род. множ. от лето в устарев-

шем значении «год» – выступающую в ряде контекстов в функции род. множ. от слова год, ср. один год, но пять лет). Это опять приводит нас к выводу о том, что между синхронной и диахронической семантической деривацией нет четкой границы. Случай (3): наличие данных двух значений у одного слова (= слов, произошедших из одного слова) в двух близкородственных языках (явление, известное под названием «ложных друзей переводчика»), напр.: «надеяться» ↔ «ждать»; франц. *espérer* «надеяться» и исп. *esperar* «ждать»; «слышать» ↔ «понимать»; франц. *entendre* «слышать» и исп. *entender* «понимать».

Поскольку отношение семантической деривации устанавливается внутри одного слова (или между словами, восходящими к одному источнику), не является семантической деривацией то, что происходит из разных источников, т. е. случаи омонимии – по крайней мере, возникшей в результате совпадения исходно разных слов (типа русского лук). Несколько сложнее обстоит дело со случаями типа топить (промежуточными между омонимией и полисемией). Не относятся к области семантической деривации также некоторые случаи полисемии, в частности, полисемия приставочных образований, возникающая за счет полисемии приставки, типа залечить <рану> и залечить <человека> (= «причинить ущерб лечением»); мясо уварилось (= «уменьшилось в размере в результате варки» и «хорошо сварилось») и т. п., так как в таких случаях обычно следует обсуждать полисемию самой приставки, а не приставочных глаголов. Так, например, пара русск. запомнить и польск. *zapomnieć* «забыть» не дает основания для постулирования семантической деривации «запомнить» ↔ «забыть», в то время как между соответствующими значениями приставки за- определенное отношение семантической деривации может быть установлено [4].

Однако и среди того круга явлений, которые относятся к семантической деривации, следует провести некоторые разграничения, позволяющие выделить ядерную и периферийные зоны. Нас интересуют регулярные семантические деривации, т. е. в каталог не включаются семантические сдвиги, произошедшие в силу случайных причин, каких-то казусов – как лингвистического, так и экстралингвистического свойства [1]. Примером первого может служить семантическая эволюция русского слова дозвель, которое в современном языке приобрело значение «психологически давить, тяготеть» – одновременно с появлением управления <над кем-то>. Этот сдвиг произошел, очевидно, в результате действия аналогии со стороны словообразовательной модели, представленной в словах типа терпеть – терпение, стареть – старение и т. п., под влиянием которой возникла пара дозвель – давление (чередование о/а в глагольных основах встречается достаточно часто). В основе семантического развития слова дозвель лежит, таким образом, случайное обстоятельство – фонетическое сходство основ со значением «давить» и «быть достаточным». На другом полюсе находятся семантические деривации, обладающие наибольшей регулярностью. Сюда относятся некоторые из семантических дериваций, происходящих при грамматикализации значений, выражаемых исходно лексическими средствами, таких как «держаться» → «иметь»; «хотеть» → [вспомогательный глагол в буд. времени]; развитие эпистемического значения у модальных глаголов может и должен, метафориче-

ский перенос у прилагательных типа высокий и низкий, светлый и темный, синэстетические сдвиги у слов типа мягкий, сладкий, яркий, тихий и некоторые другие. Подобные семантические деривации могут быть отражены в каталоге не в самую первую очередь, поскольку их существование и так хорошо известно.

Итак, в центре нашего внимания находятся регулярные и при этом нетривиальные семантические сдвиги, воспроизводимые в разных языках и/или в разных словах одного языка. Возникает вопрос: как опознать семантические деривации, удовлетворяющие данным условиям? Самое простое – ввести требование, чтобы для каждой каталогизируемой семантической деривации приводилось как минимум две ее реализации. Т. е., например, для деривации «время» ↔ «погода» имеются реализации: франц. *temps* «время», «погода»; сербохорв. *vreme* «время», «погода»; русск. время в языке Пушкина, имевшее значение не только «время», но и «погода», ср.: «Барин, не прикажешь ли воротиться? [...] Время ненадежно: ветер слегка подымается; – вишь, как он сметает порошу» («Капитанская дочка»). Значение «погода» впоследствии было утрачено. В связи с этим примером, естественно, возникает подозрение, не является ли значение «погода» у русского слова время семантической калькой с французского. Отметим, что даже если это калька, то это не означает, что такое слово не следует включать в каталог – хотя бы потому, что факт калькирования часто бывает невозможно или очень трудно установить. Однако это обстоятельство несколько «размывает» требование, чтобы реализаций у каждой семантической деривации было как минимум две, поскольку они могут оказаться просто репродукцией одной и той же реализации. Аналогичная репродукция, помимо семантического калькирования, происходит при обычном заимствовании, а также в близкородственных языках, когда каждое из слов-потомков просто наследует полисемию, присутствовавшую в слове-предке.

Проблема семантического калькирования требует одной очень важной оговорки. Дело в том, что воспроизведение некоторой семантической деривации разными языками может быть обусловлено не параллельным (независимым) семантическим развитием, а заимствованием этого производного значения, т. е. результатом семантического калькирования. При этом установление факта калькирования – совершенно отдельная процедура, требующая применения других (историко-филологических) методов анализа, что выходит за рамки нашей задачи. Собственно, лингвистическими методами могут быть выявлены лишь случаи «подозрительного» сходства. Ср., например, сходную внутреннюю форму слова со значением «поезд» в немецком, польском и чешском языках, наводящую на мысль о калькировании: [от «тянуть»] → «поезд»; нем. *Zug*; польск. *rosiąd*; чешск. *vlak*. Возможно, результатом калькирования является наличие у глагола со значением «обнаруживать» производного значения «придерживаться мнения», ср.: «обнаруживать» → «придерживаться мнения»: русск. находить; франц. *trouver*; итал. *trovare*; англ. *to find*; нем. *finden*.

Многочленные деривации. Довольно часто бывает так, что слово имеет более двух значений и при этом отношения между ними удовлетворяют изложенным выше условиям. В таких случаях в принципе возможны

разные решения, однако оптимальным, по-видимому, является решение, при котором в качестве основного способа представления полисемии используется множество «стандартных» двучленных дериваций, например: «идти в неопределенном направлении» → «идти в неправильном направлении» лат. errare; др.-русс. блудити; «идти в неопределенном направлении» → «ошибаться»: лат. errare; др.-русс. блудити; «ошибаться» → «предаваться разврату»: лат. errare; др.-русс. блудити; «идти в неопределенном направлении» → «предаваться разврату»; русск. блудить, заблуждаться; «идти в неопределенном направлении» → «ошибаться»; русск. блудить, заблуждаться. В таблице сведена информация о следующих семантических деривациях: «человек» ↔ «мужчина»: англ. man; франц. homme; итал. uomo; «мужчина» ↔ «муж»: нем. mann; шведск. man; др.-русс. моужь; русск. муж

Таблица

	«человек»	«мужчина»	«муж»
англ.	man	man	husband
франц.	homme	homme	marî
итал.	uomo	uomo	marito
нем.	Mensch	Mann	Mann
шведск.	måniska	man	man
др.-русс.	человѣкъ	моужь	моужь
русс.	человек	мужчина	муж

Еще одно обстоятельство, затрудняющее инвентаризацию семантических дериваций, заключается в том, что часто семантическая деривация реализуется одновременно с морфологической, или в том, что искомое семантическое соотношение устанавливается не в пределах одного слова, а между двумя словами, связанными какими-то словообразовательными отношениями. Например: в немецком языке от глагола ziehen «тянуть» образовано слово zug «поезд» (т. е. буквально «тянущий»). В таких случаях, отбрасывая все детали в левой части мы указываем только зна-

чение мотивирующей основы. Например: [от «жить»] → «сильное чувство»: русск. переживать; нем. erlebniss («переживание»).

Выводы. Итак, можно сделать вывод, что каталог семантических дериваций, построенный согласно изложенным принципам, рассчитан на то, что он будет постоянно пополняться новыми единицами; одновременно будет уточняться и метаязык описания. На определенном уровне формализации способов представления информации, каталог сможет быть превращен в базу данных.

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. – М., 1995. – 464 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
3. Гак В.Г. Типология аналитических форм глагола в языках / В.Г. Гак // ВЯ. – 1997. – № 2. – С. 68–72.
4. Зализняк А. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов / А. Зализняк // Russian linguistics, vol. 19, 1995. – P. 143–185.
5. Крысько В.Б. Verba pretii в истории языков / В.Б. Крысько // ВЯ. – 1997. – № 2. – С. 107–115.
6. Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем / Е.В. Падучева // Русский язык в его функционировании. – М., 1998. – С. 157–165.

Жук В. А. Інвентаризація семантичних деривацій

Анотація. У статті здійснено спробу інвентаризації типів семантичних змін, тобто створення каталогу семантичних деривацій, який подає і систематизує вже встановлені факти семантичної деривації.

Ключові слова: деривація, семантика, типологія, полісемія, каталог.

Zhuk V. Semantic derivation stocktaking

Summary. The purpose of this article is to attempt to inventory types of semantic change, i.e. semantic derivation catalogue, which represents and systemizes already set facts of semantic derivation.

Key words: derivation, semantics, typology, polysemy, catalogue.